

РУССКО-ВИЗАНТИЙСКИЙ ВЕСТНИК

Научный журнал
Санкт-Петербургской Духовной Академии
Русской Православной Церкви

№ 2 (13)

2023

А. М. Любомудров

«Поэт России» — неизвестная статья Г. В. Месняева об Иване Шмелеве

УДК 821.161.1(1-87).09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2023_2_163
EDN KVNHGX

Аннотация: Задача настоящей публикации — рассмотреть литературные связи представителей двух волн русской эмиграции, И. С. Шмелева (1873–1950) и Г. В. Месняева (1892–1967). В основу положены неизвестные архивные материалы — письма Месняева к Шмелеву периода 1949–50-х гг. Анализируются также литературно-критические работы Месняева, в которых выявлен концептуальный взгляд на творчество Шмелева и его художественно-религиозное осмысление России. Комплексное рассмотрение эпистолярия и публицистики Месняева позволяет сделать вывод о том, что Шмелев видится ему как художник, остро чувствующий Россию, проникающий в глубины ее духа, раскрывающий народную душу и истинно ценное в русском человеке. Целиком публикуется текст статьи Г. Месняева 1956 г. «Поэт России».

Ключевые слова: Иван Шмелев, Григорий Месняев, русское зарубежье, русская литература, переписка.

Об авторе: **Алексей Маркович Любомудров**

Доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

Для цитирования: Любомудров А. М. «Поэт России» — неизвестная статья Г. В. Месняева об Иване Шмелеве // Русско-Византийский вестник. 2023. № 2 (13). С. 163–172.

Alexei M. Lyubomudrov

**“The Poet of Russia” — an unknown article
about Ivan Shmelev by G.V. Mesnyaev**

UDC 821.161.1(1-87).09(092)
DOI 10.47132/2588-0276_2023_2_163
EDN KVNHGX

Abstract: The task of the article is to consider the literary relations of representatives of two waves of Russian emigration, i. e. Ivan Shmelev (1873–1950) and Grigory Mesnyaev (1892–1967). The work is based on the unknown archival materials, exactly Mesnyaev’s letters (1949–1950) to Shmelev. The analysis of Mesnyaev’s literary and critical works reveals the conceptual view of the essayist on Shmelev’s creative work and his artistic and religious understanding of Russia. A complex studies of Mesyaney’s epistolary and essays allows to conclude that Mesnyaev considers Shmelev as an artist who sharply feels Russia, penetrates into the depths of its spirit, and reveals the Russian folk soul. The text of the article by G. Mesyaney “The Poet of Russia” (1956) is also published here.

Keywords: Ivan Shmelyov, Grigory Mesnyaev, Russian emigration, Russian literature, correspondence.

About the author: **Alexei Markovich Lyubomudrov**

Dr. Hab. of Philology, Leading Researcher, Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, Russia.

E-mail: anketaspb@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-4351-6774>

For citation: “The Poet of Russia” — an unknown article about Ivan Shmelev by G.V. Mesnyaev. *Russian-Byzantine Herald*, 2023, no. 2 (13), pp. 163–172.

Несмотря на всенародную известность, которую получили книги Ивана Шмелева в конце XX в. в России, и значительное количество посвященных ему литературоведческих работ, в творческой судьбе Шмелева остается еще много белых пятен. Особенно это заметно в отношении круга общения писателя в военные и послевоенные годы. Так, в 1940-х гг. состоялось заочное знакомство двух литераторов русского зарубежья, принадлежавших к разным «волнам» эмиграции, — И. Шмелева и Г. Месняева.

Имя Григория Валериановича Месняева (1892–1967) сегодня почти забыто, между тем это был человек непростой судьбы и несомненных литературных дарований. Уроженец Тулы, участник Первой мировой войны, в 1919 г. он вступил в ряды Белой армии. В 1920–30-х гг. жил в Ростове-на-Дону, занимался вопросами здравоохранения. В годы массовых репрессий уцелел, однако сестра его была арестована и на десять лет отправлена в лагерь, ее муж расстрелян. В 1942 г. Месняев оказался на оккупированной немцами территории и через год вместе с женой и сыном выехал в Баварию. После войны находился в лагере для перемещенных лиц («Ди-Пи»), проживал в ряде немецких городов, а в 1949 г. уехал в США.

В Америке развернулось его литературное дарование. Григорий Месняев выступал как публицист и литературный критик в газетах «Наша страна» (Буэнос-Айрес) и «Россия» (Нью-Йорк) и в журнале «Возрождение» (Париж). Написал несколько книг исторической тематики: «За гранью прошлых дней» (Буэнос-Айрес, 1957), «Поля неведомой земли» (Нью-Йорк, 1962), «По следам минувшего» (Нью-Йорк, 1965). В Нью-Йорке Месняев стал редактором газеты «Россия», в 1963 г. был избран председателем Пушкинского общества.

Как пишет его биограф Е. П. Высоцкая, «главным делом своей жизни Григорий Месняев избрал проповедь русской культуры среди соотечественников, вольно и невольно оказавшихся вдали от родной земли, и молодого поколения, родившегося на чужбине»¹. Он был убежден, что «Православие является началом и концом русской жизни и русского творчества. И только тот, кто до конца поймет значение Православия для русского народа, может понять, в чем заключается сущность русского культурного типа»².

Внук писателя вспоминает: «В отличие от других политических эмигрантов, он сосредоточивает свое внимание на литературной проблематике, на культурных аспектах эмигрантской жизни. Придерживаясь правых политических взглядов, он был на редкость толерантным человеком, в быту — почти „либералом“. Поэтому и круг его друзей был необыкновенно широк: Борис Зайцев, Роман Гуль, Борис Бразоль, Андрей Седых, Марк Вейнбаум, Анатолий де Бранзбург... Григорий Валерианович был близок

Г. В. Месняев — кадет Орловского
Бахтина кадетского корпуса.
Орел, 1909 г.

¹ Высоцкая Е. П. Токмо за совесть: писатель Григорий Месняев // Донской временник. 2018. Вып. 26. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (дата обращения: 31.01.2023).

² Месняев Г. В. Слово о русской культуре // Православная Русь. 1953. № 19, 1/14 окт.

Г. В. Месняев. Нью-Йорк. 1960-е гг.

и к митрополиту Анастасию, первоиерарху РПЦЗ»³.

Находясь в Германии, Месняев познакомился с несколькими книгами Шмелева, написанными и изданными за границей. Эти книги стали для него настоящим открытием. В Шмелеве он увидел большого русского писателя, не похожего на других, отличающегося своим пониманием России, веры и души русского народа. В 1949–50 гг. Месняев написал несколько писем Ивану Сергеевичу и получил от него ответ. Сейчас эта переписка находится в фонде Шмелева в Доме русского зарубежья им. А. И. Солженицына (далее — ДРЗ). Письма дают представление об эстетических и идейных взглядах Месняева, его мировоззрении.

Поводом к первому письму (от 18 июня 1949 г.) стало знакомство с «Записками неписателя» Шмелева, печатавшимися в «Русской мысли»: «И вот, в Вашем изумительном по силе художественного изображения произведении, в Вашем глубоко правдивом противопоставлении отношения духовно здоровой части русского народа к событию 1-го

марта⁴ и отношения к нему же интеллигента (в лице нигилиста-дяди) — я нашел полное и глубоко радующее меня подтверждение моих дум и мыслей о России и русском народе»⁵. Месняев делится воспоминаниями о революционных событиях 1904–05 гг. в Нежине, свидетелем которых он был, в надежде, что они, быть может, пригодятся Шмелеву. Он подчеркивает, что беспорядки были пресечены местными жителями — крестьянами: «Порядок был установлен и установлен не растерявшейся властью, а самым настоящим народом, по его собственному почину и собственными средствами. Это была не „полицейская провокация“, не „черная сотня“, как часто называли тогда подобные народные выступления, — это был действительно самый подлинный народ»⁶.

В письме от 5 августа того же года Григорий Валентинович говорит о своем понимании творческой личности Шмелева и о том значении, которое играют его произведения для русских эмигрантов: «Нетрудно понять, каким утешением и откровением были эти книги для нас, особенно в нашем тогдашнем положении угнетенных и бесправных русских, слышавших только швабскую речь, не имевших ни одной печатной по-русски строчки и бывших под началом туповатых швабов. Прочтя, или, вернее, проглотив эту книгу, в которой так чудесно описана старая Москва и старая русская жизнь, — я увидел, что ее стиль, ее дух во многом отличаются от реалистического стиля и духа „Человека из ресторана“. Я понял, что Вы заняли в нашей литературе свое особое место, сказали свое собственное слово, которое роднит Вас с теми замечательными русскими людьми (например, Лесков, Ключевский), которых объединяет любовь к своему родному, понимание русской народной души, нашего прошлого.

Я считаю, что наше прошлое, своеобразие нашего быта — должны быть очищены от тех наслоений клеветы, лжи и искажений, которые, увы, накапливались поколениями русской интеллигенции, оторвавшейся от народа, ему непонятной и чуждой. И вот

³ Григорий Месняев-младший. [Предисловие к публикации хроники Г. В. Месняева «Предки».] URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/predki.html> (дата обращения: 31.01.2023).

⁴ Имеется в виду убийство императора Александра II 1 марта 1881 г.

⁵ ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506. Л. 2.

⁶ Там же. Л. 4 об.—5.

поэтому Ваше творчество, раскрывающее народную душу, показывающее то, что было истинно ценно в русском человеке, — мне особенно близко, дорого и ценно»⁷.

Вскоре Месняев переехал в Америку и в письме от 27 сентября поделился со Шмелевым своими первыми впечатлениями от этой страны: «Пишу же я о ней, во-первых, потому, что Вам как сердцеведу, может быть, будут интересны ощущения русского человека, попавшего в Новый Свет, а во-вторых, и из-за труднообъяснимого желания сказать все это именно Вам». Отдавая должное американскому народу, «создавшему за какие-нибудь 200 лет такое своеобразное, свободное и богатое государство», упомянув, в частности, прекрасные и бесплатные для посетителей музеи, Месняев признается, что весь комфорт здешней жизни все же не в состоянии «вытеснить неутоленного чувства родины»⁸. Он надеется найти в Америке книги Шмелева, которые не удалось прочесть в Европе: «Няню из Москвы», вторую часть «Путей небесных» и завершение «Лета Господня».

Сохранилось единственное ответное письмо Шмелева, оно датировано 15 июля 1949 г. Иван Сергеевич благодарит за высокую оценку «Записок писателя» и признается: «Слава Богу, читатель у меня есть — и — чуткий. И — что важно — новый читатель оттуда и принимает душой даже трудное (по духу) — „Неупиваемую Чашу“. Знаю, что „Записки писателя“ не для газеты, но — такова наша скудость во всем.

Вы, думаю, лет на 15 моложе меня: я родился в 1873 г. Вам надо писать. Еще раз — спасибо. Если бы наш образованный слой понимал свой чудесный народ! Что было бы!.. С таким народом можно преобразить мир! Верю. Сим и движусь. Да все еще не могу вложиться в эту основную (художественную) работу. А только о России и писал!

Жму руку. Ваш Ив. Шмелев»⁹.

Познакомившись с эмигрантским творчеством Шмелева, Месняев нередко упоминал его в своих литературно-критических и публицистических заметках. Писатель предстает в них как художник, чувствовавший Россию с необычайно остротой, проникавший в глубины ее духа. Именно таким рисует Шмелева Месняев в «Слове о русской культуре» (1953): «Эта культура проявлялась во вне и в других формах: в формах самой жизни русского народа, в его быту, в его обычаях, обрядах, верованиях, во всей крепости его жизненного уклада. Он был исполнен тончайшей поэзией, свидетельствовавшей о высокой духовности русского человека, об его всегдашнем стремлении ввысь, в поисках Божьей Правды. Для подтверждения этого достаточно назвать всем известное произведение наиболее чуткого русского писателя И. С. Шмелева „Лето Господне“. В нем писатель с исключительной выпуклостью показал нам всю красоту, яркость, красочность, полнокровность и полнозвучность старой русской жизни, связанной крепчайшими нитями с русской Православной Церковью. Годовой церковный круг — Лето Господне, придавал этой жизни необыкновенную значительность, наполнял ее до краев благоуханной поэзией, делал ее крепкой, устойчивой и настоящей. Вот, вся эта сумма проявлений русского народного духа, в своей совокупности, и образует то единственное духовное явление, которое и носит название русской национальной культуры, занимающей особое и почетное место в культуре общечеловеческой»¹⁰.

Несколько работ Г. Месняева целиком посвящены Шмелеву: «Страстное сердце» («Русское воскресение», 1960, 25 июня), «Певец ушедшей Руси» («Наша страна», 1960, 7 июля), «Поэт России» («Наша страна», 1961, 3 янв.), «Русская книга» («Россия», 1964, 17 апр.), «Памяти И.С. Шмелева» («Наша страна», 1965, 20 июля) и др. Эти статьи, опубликованные к дням памяти писателя, отмечены в некоторых библиографических списках литературы о Шмелеве. Но в них не упомянута более ранняя работа Месняева, напечатанная в газете «Русское Воскресение» (1956, 26 июля)¹¹. Ее название — «Поэт

⁷ Там же. Л. 7 об.—8.

⁸ Там же. Л. 9—9 об.

⁹ Там же. Ед. хр. 243. Л. 1.

¹⁰ Месняев Г. В. Слово о русской культуре // Православная Русь. 1953. № 19, 1 (14) окт.

¹¹ Впервые эту публикацию обнаружила в фондах ДРЗ Н. А. Егорова и в своей статье процитировала несколько строк из нее (газета здесь ошибочно названа «Русское возрождение»):

России» — совпадает с заголовком статьи 1961 г. в «Нашей стране». Однако сопоставление текстов показывает, что это разные работы. Статья 1961 г. посвящена обзору творческого пути Шмелева, его раннему увлечению революционными идеями и последующему раскаянию, она содержит обширные цитаты из произведений писателя, а также полемику с критиками русского зарубежья: «Отрицая новые суждения писателя о России и ее революции, некоторые эмигрантские круги оказались вовсе не способными понять самое главное, что заключено в произведениях И. С. Шмелева, написанных им в эмиграции. Они, эти круги, не поняли того, что он вовсе не был простым бытописателем, а глубоко искренним, страстным, страдающим русским писателем, всю свою душу стремившимся найти ответы на самые главные вопросы не только русской, но и общечеловеческой жизни»¹².

Ранняя же работа Месняева «Поэт России» отличается свежестью восприятия, компактностью, глубиной осмысления, раскрывает историческое, духовное и литературное значение Ивана Шмелева — в той степени, как их понимает критик. Несомненная заслуга автора «Записок неписателя» видится Месняеву в том, что он сказал о трагических для России ошибках гуманитарной интеллигенции, о противоборстве разрушительного и созидательного направлений русской мысли. Литература в массе своей прошла мимо коренной сути русской жизни, которую постигал и живописал Шмелев. Роковой раскол между двумя Россиями — «цивилизованной» и «простонародной», углубляясь с каждым годом, привел страну к катастрофе. Месняев защищает Шмелева от нападок Г. Адамовича, которого он относит к людям, лишенным органического чувства «родного». Автор статьи говорит о героях произведений Шмелева, которые представляют лучший тип русского простого человека, души которого еще не коснулись соблазны западной цивилизации. Скрытые от читателей в самой России, книги Шмелева, как уверен Месняев, рано или поздно придут на родину, и тогда откроются запечатленные в них сокровища русского национального духа.

Эта статья, напечатанная в редком и труднодоступном издании («Русское Воскресение», 1956, 26 июля), вводится в научный и читательский оборот. Публикуем ее как ценный источник, вносящий дополнительные краски в палитру мнений и оценок творчества выдающегося прозаика XX в.

Г. В. Месняев

ПОЭТ РОССИИ

Об И. С. Шмелеве выдающийся русский мыслитель проф. И. А. Ильин писал так: «Шмелев замечательный художник наших дней. Он *поэт России*¹³. Изобразитель исторически сложившегося душевного и духовного уклада, и то, что он живописует, есть русский человек и русский народ в его подъеме и падении, в его силе и слабости, в его умирении и его окаянстве»¹⁴.

Действительно, И. С. Шмелев был поэтом России, и даже не поэтом, а человеком, страстно и беззаветно преданным и, если можно так сказать, одержимым Россией.

Егорова Н. А. «...Россия меня примет!»: Издание произведений И. С. Шмелева на Родине // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2010. С. 198–199.

¹² Месняев Г. В. Поэт России // Наша страна. 1961. № 571, 3 янв.

¹³ Здесь и далее текст выделен Г. Месняевым.

¹⁴ Процитирована статья И. А. Ильина «Иван Сергеевич Шмелев» («День русского ребенка» (Сан-Франциско), 1948, вып. 15), легшая в основу главы о Шмелеве в книге И. Ильина «О тьме и просветлении. Книга художественной критики» (Мюнхен, 1959). Тексты содержат разночтения, в частности, в книжном варианте определение «Поэт России» (приведенное Месняевым и ставшее заголовком его статьи) заменено на «Певец России».

Эта преданность и одержимость меньше всего относилась к просвещенной, цивилизованной, столичной России, проникнутой европейским духом, а к необъятной уездной России, для которой духовным центром были не университетские кафедры, а Троицко-Сергиевская Лавра.

Он не был предан той России, которая отражаясь в министерских кабинетах, в парламентских фракциях, в редакциях газет и толстых журналов, на студенческих сходках и на лекциях об Оскаре Уайльде. Такая Россия не привлекала его. Близка и мила его сердцу была совсем другая Россия — древняя и диковатая, непонятная и непонятая кабинетами, фракциями, редакциями и партиями, и жившая в уездной глуши, в тишине монастырских келий, на церковных папертях, в шуме многоликих, красочных ярмарок, в вагонах третьего класса, на размытых дождями большаках и проселках, в трактирах, на паромках, на переправах, в тишине осенних лесов и полей.

Такая Россия, представленная так называвшимся «простонародьем», вылившаяся в крепкие и красочные формы, — на всю жизнь заворожала И. С. Шмелева, придав его личности и творчеству совершенно своеобразные и ему только свойственные черты и свойства.

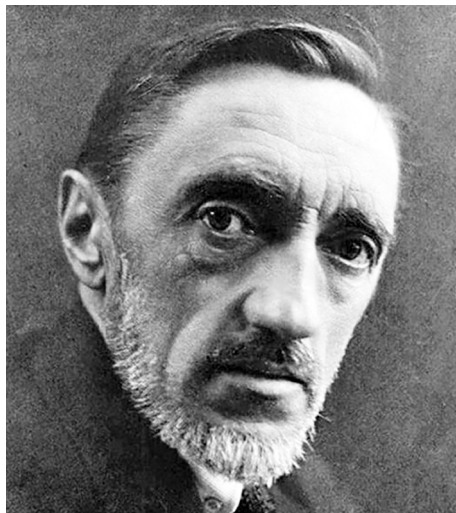
Описанный им с редким искусством и любовью старорусский бытовой уклад именовался им «замоскворецко-купеческим». Уклад «исконный, „качельный“, с собаками цепными, с гвоздяными заборами, курильницами староверов, с лестовками, гаданьями, сонниками, утрениями, с „мамками“, с обрядностью... с няниными сказками, с болезненной, до обмороков, стыдливостью, с предельным целомудрием... с множеством икон в доме обмоленных, почти живых, с глубочайшим чувствованием иного мира, который вот тут близко, глядит и шепчет» («Записки неписателя»)¹⁵.

За гвоздяными заборами русский просвещенный человек тех времен не увидел икон, «обмоленных, почти живых», не почувствовал дыхания иного мира и не услышал его шепота. И в этом-то и сказалось то порочное и роковое, что привело нас к крушению.

Описанный И. С. Шмелевым, дышавший древностью, русский коренной быт, уже задолго до революции, постепенно стал выдыхаться, терять свои яркие краски и запахи и вырождаться. Теперь же от него и следа не осталось, он накрепко стерт с лица русской земли и выкорчеван с корнем.

Не это ли обстоятельство дало основание Георгию Адамовичу написать об И. С. Шмелеве в первой книжке нью-йоркского журнала «Опыты» так: «Шмелев казался очень русским писателем, уж таким русским, что „русее“ не бывает, а на деле он, при своем — для меня несомненном и большом — таланте, при своей страдальческой искренности, — был отступником и вел от имени России запоздалую, измельчавшую, выдохшуюся, славянофильскую игру, которая ничем, кроме конфуза, кончиться не может»¹⁶.

Нет смысла возобновлять старый спор, ведшийся Пушкиным и Чаадаевым. Нет смысла убеждать людей, лишенных органического чувства «родного», в том, что приверженность к своему — русскому и вера в то, что это «свое», «русское» даже

Иван Сергеевич Шмелев

¹⁵ Шмелев И. С. Записки неписателя // *Его же*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 3. М., 1998. С. 293. «Записки неписателя» печатались в газете «Русская мысль» в 1948–1949 гг.

¹⁶ Адамович Г. В. Комментарии // *Опыты*. 1953. № 1. С. 94–95.

и тогда, когда умер навсегда старый быт, — и посейчас продолжает жить в глубоких недрах русской жизни — не есть вовсе никакое «отступничество» и «выдохшееся славянофильство», а неистребимое естественное и благородное человеческое чувство, не могущее умереть и дающее человеку, его исповедующему, величайшее счастье.

Именно этим-то чувством покойный И. С. Шмелев был покори́т до конца, и оно-то, несмотря на многие и многие страдания, выпавшие на его долю, делало его бесспорно счастливым предельной его близостью к той «неупиваемой чаше» русского народного духа, из живительных и чистых источников которого он черпал и поэтическое вдохновение, и утешение, и силу жизни.

Любя Россию только за то, что она была Россией, т.е. своей, родной, — И. С. Шмелев, как никто другой из русских писателей, необыкновенно тонко понимал правдивость известной русской поговорки: «не по хорошему мил, а по милу хорош». Она, Россия, была для него хороша, во всех ее видах, во всех ее проявлениях. А потому-то его главные, наиболее характерные для него произведения: «Лето Господне», «Богомолье», «Няня из Москвы» — звучат как настоящие симфонии, прославляющие русскую жизнь, русского человека, его православную душу, веру, благочестие, сердечность, душевность и поэтичность.

Кто такая, например, «Няня из Москвы»? Кто эта простая, немудреная, неученая женщина, часто смешная, но всегда трогательная в чистоте своей души, в простоте и честности ее мышления, в наивной бесхитростности и в непоколебимости тех дедовских понятий, которые она впитала во ржах и конопляниках тульской деревни?

Она представляла собой всю уездную Россию; представляла собой лучший тип русского простого человека, души которого еще не коснулись соблазны западной цивилизации.

В России и посейчас есть люди той же плоти и крови, того же духа, как пушкинские Савельич и капитан Миронов, лермонтовский Максим Максимович, Несмертельный Голован и дьякон Ахилла Лескова, севастопольские и кавказские герои Толстого, о. Христофор («Степь») и епископ Петр («Архиерей») Чехова и многие другие, к которым так неудержимо тянулось сердце И. С. Шмелева.

Эта его тяга к своим простым героям и их превозношение не является вовсе «запоздалым», «выдохнувшимся» и «измельчавшим» славянофильством, и тем менее «отступничеством», как утверждает Адамович, а твердой основой русского мироощущения и миропонимания.

Незадолго до смерти И. С. Шмелева в парижской «Русской мысли» печатались его «Записки неписателя», к сожалению, прошедшие мимо внимания русского читателя и ему мало известные. Между тем, в этих «Записках», очень характерных для мировоззрения писателя, он коснулся своих детских впечатлений от самого трагического события русской истории — царевубийства 1-го марта 1881 года, предопределившего роковой конец императорской России.

Реакция интеллигентского общества на это событие общеизвестна: можно утверждать, что общество это, в своем большинстве, с радостью встретило «смерть тирана», создав благочестивую легенду о людях, убивших великого Царя.

У Шмелева же в «Записках неписателя», а также в рассказе «Страх» («Избранные рассказы» Чеховского издательства), — с исключительной яркостью и жизненностью описано то, как на смерть Императора Александра II отозвались не профессора, адвокаты, студенты и писатели, а штукатуры, протодьяконы, конюхи и мелкие купцы в картузах и поддевках.

В описании этом живо ощущается сила того народного гнева, грозное и умноженное эхо которого было суждено услышать нам в те дни, когда народ, уже развращенный своими просветителями и освободителями, — свел старые счета с «барами», «буржуями» — и всеми теми, кто жил жизнью для него чуждой и ему непонятной.

В «Записках неписателя» необыкновенно ярко и красочно была показана здоровая реакция еще не пошатнувшегося в своей верности «простолюда» на сокрушающий удар, нанесенный 1-го марта по главной скрепе Российского Государства.

Когда я прочел «Записки неписателя», мне показалось, что в них чрезвычайно выпукло показана разница между двумя друг другу враждебными Россиями, — цивилизованной и простонародной, — именно та разница, которая, углубляясь с каждым годом, привела русских людей к страшной катастрофе. Об этом я написал письмом И. С. Шмелеву, которое, видимо, чем-то тронуло его, ибо он, несмотря на свои недуги, ответил мне, человеку ему неведомому, письмом, датированным 15-го июля 1949 года.

В письме этом, между прочим, он писал: «Слава Богу, читатель у меня есть и чуткий. И что важно — новый читатель *оттуда*... и принимает душой даже трудное (по духу) — „Неупиваемую Чашу“. Знаю, что „Записки неписателя“ не для газеты, но такова наша скудость во всем... Еще раз спасибо. Если бы наш образованный слой понимал свой чудесный народ. Что было бы!.. С таким народом можно преобразить мир! Верно. Сим и движусь. Да все еще не могу вложиться в эту основную (художественную) работу. А только о России и писал»¹⁷.

В этих немногих строках к случайному корреспонденту И. С. Шмелев изложил самое главное, что составляло основу его чисто русского мировоззрения. Мировоззрение это зиждилось на его глубочайшей вере в русский народ, непоколебленной даже страшными делами революции; И. А. Бунин в «Окаянных днях» вспоминает: «Все ужасались, один Шмелев не сдавался, все восклицал: — „Нет, я верю в русский народ!“»¹⁸

Вера эта не была призрачной. Она основывалась не на книжном и кабинетном любовании воображаемым народом; истоки ее были в той московской, православной и, отчасти, старообрядческой крови, которая текла в жилах покойного писателя и сближала его с простым народом. Потому православие его не было надуманным и искусственным богоискательством, а простой, немудреной, но искренней тягой русского человека к родной Православной Церкви, в стенах которой объединились люди одного духа, все те, кто ходил для получения благословения к «батюшке — отцу Варнаве» в Троицко-Сергиевскую Лавру и в другие православные русские обители. В прекрасном рассказе «У старца Варнавы», насыщенном ароматом простой русской народной веры, — Шмелев со своим всегдашним мастерством и с удивительной простотой объясняет нам значение этой веры для простого русского человека, которого «Батюшка — Варнава *благословил* „на путь“. Дал *крестик* и благословил. *Крестик* — и страдания, и радость. Так и верю»¹⁹.

К этим словам нечего прибавить. Для тех, кто чувствует сердцем значение *крестика*, данного нам в наш русский «путь», — в них все понятно. Тех же, кто считает эти слова запоздалыми, выдохшимися в измельчавшихся, все равно не убедишь и не разубедишь. Их разве можно только пожалеть.

Как писатель, как певец и поэт простого русского народа, И. С. Шмелев — неповторим уже потому, что уже нет и, конечно, больше никогда не будет того стародавнего русского быта, который исчез навсегда и который <он> так хорошо знал и ценил.

Однако это вовсе не значит, что вместе со смертью старого русского быта духовно умер как писатель и сам И. С. Шмелев. Совсем наоборот. Тот новый читатель *оттуда*, который, по его собственному свидетельству, сразу после своего освобождения понял и принял душой даже самое трудное по духу в творчестве И. С. Шмелева, — представлял собой только передовой отряд той народной массы, которая, томясь в бездуховной атмосфере современной России, жадно, инстинктивно тянется именно к тому, о чем всю свою жизнь писал И. С. Шмелев.

Он сейчас *совершенно* неизвестен в России. Ни одно из его произведений, писанных им в эмиграции, не только никогда не было напечатано в Советской России,

¹⁷ Цитируется письмо И. С. Шмелева к Г. В. Месняеву от 15 июля 1949 г. (ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 243. Л. 1).

¹⁸ Запись из дневника И. А. Бунина «Окаянные дни» от 16 февраля 1918 г. URL: <http://bunin-lit.ru/bunin/bio/okayannye-dni-1.htm> (дата обращения: 31.01.2023).

¹⁹ Шмелев И. С. У старца Варнавы // *Его же*. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1999. С. 284 (текст в цитате выделен И. Шмелевым).

ни об одном из них нигде даже не было упомянуто. Разве только те немногие, которые в свое время прочли «Человека из ресторана», — знают имя писателя Шмелева.

Но «Человек из ресторана» — еще не Шмелев, и даже совсем не Шмелев. Подлинный же, настоящий Шмелев, творец «Лета Господня», «Богомолья» и «Няни из Москвы» — остался для русского народа скрытым и неведомым.

Однако, бесспорно, настанет время, когда перед русскими людьми «там» откроются сокровища русского национального духа, накопленные русскими изгнанниками за пределами русской земли. То, что было написано за границей крупными русскими писателями, и в их числе И. С. Шмелевым, — будет иметь для русских людей особый интерес и особое значение, ибо все это писалось под совершенно иным углом зрения, нежели тот, под которым писали бы русские писатели, не будь революции и связанной с ней переоценки ценностей.

Нет, поэтому, никакого сомнения в том, что зарубежные произведения И. С. Шмелева, в надлежащее время, займут совершенно особое место в русской литературе. Нет сомнения и в том, что русский народ найдет в них неисчерпаемый источник, подлинную «неупиваемую чашу», из коей он и будет черпать живительные соки для своего нравственного обновления и национального возрождения.

Источники и литература

1. *Адамович Г. В.* Комментарии // Опыты (Нью-Йорк). 1953. № 1. С. 94–95.
2. *Высоцкая Е. П.* Токмо за совесть: писатель Григорий Месняев // Донской временник. Год 2018-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2017. Вып. 26. С. 138–147. URL: http://www.donvrem.dspl.ru/Files/article/m18/1/art.aspx?art_id=1590 (дата обращения: 31.01.2023).
3. *Григорий Месняев-младший.* [Предисловие к публикации хроники Г. В. Месняева «Предки».] URL: <https://magazines.gorky.media/nj/2014/277/predki.html> (дата обращения: 31.01.2023).
4. *Ильин И. А.* «Иван Сергеевич Шмелев» // День Русского Ребенка (Сан-Франциско). 1948. Вып. 15. С. 46–50.
5. *Месняев Г. В.* Письма к И. С. Шмелеву // ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 506.
6. *Месняев Г. В.* Поэт России // Русское воскресение. 1956. № 58, 26 июля. С. 3.
7. *Месняев Г. В.* Слово о русской культуре // Православная Русь. 1953. № 19, 1/14 окт. URL: <https://proza.ru/2016/10/22/144> (публикация А. Н. Стрижева, М. А. Бирюковой) (дата обращения: 31.01.2023).
8. *Шмелев И. С.* Письмо к Г. В. Месняеву от 15 июля 1949 г. // ДРЗ. Ф. 41. Оп. 3. Ед. хр. 243.
9. *Шмелев И. С.* Собр. соч.: В 8 т. / Сост. Е. А. Осьминой. М.: Русская книга, 1998–2000.